

20 $\frac{9}{318}$ 10
Ря
17440

РАЗДОН
РАЙОН
АНТОН

95

801-13
2358

Крестьянина Степана Васильева Чуракова повѣствованіе о томъ, гдѣ былъ и что видѣлъ, скитаясь по дебрямъ раскола, и какъ, Божиимъ милосердіемъ, изведенъ былъ на путь истины¹⁾.

Родомъ я изъ Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда, Кургоминской волости. Родители и родственники мои держались раскола, по Филиппову согласію. Крещень я былъ въ православной церкви; но потомъ перекрестили меня и воспитался я въ расколѣ.

Когда мнѣ было лѣтъ девять и учился я грамотѣ, тогда родной дядя мой, чтобы вдохнуть въ меня стремленіе къ благочестивой жизни, началъ почитать мнѣ разныя ученія изъ книги св. Ефрема Сирина, чаще всего слова о второмъ пришествіи Христовомъ. Чтеніе это такъ сильно дѣйствовало на мою душу, что я плакалъ и уходилъ въ уединенныя мѣста молиться Богу, дабы онъ избавилъ меня отъ сѣтей антихриста и вѣчныя муки. Читалъ мнѣ

¹⁾ Предлагаемое «повѣствованіе» хорошо знакомитъ съ современными раскольническими сектами, существующими въ пустынныхъ краяхъ — Поморскомъ, Архангельскомъ и Сибирскомъ, — съ ихъ ученіями, бытомъ, постояннымъ ихъ размноженіемъ, съ лицами, стоящими во главѣ ихъ; не лишены интереса и свѣдѣнія, сообщаемыя здѣсь о странникахъ губерній Ярославской, Костромской, Вологодской. Представляя такимъ образомъ цѣнный матеріалъ для современной исторіи раскола, повѣствованіе С. В. Чуракова можетъ кромѣ того служить полезнымъ указаніемъ для лицъ, на которыхъ лежитъ прямой и ближайшій долгъ — заботиться о просвѣщеніи людей, спящихъ во тмѣ и стнн раскола, куда и на что особенно должно быть обращено ихъ вниманіе.

Ред. Брат. Сл.

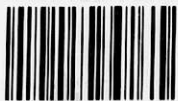
Центральный книгохранилище
при судде компететива
Государственной библиотеки СССР
им. В. И. Ленин

дядя мой и тѣ слова Ефрема Сирина, въ которыхъ восхваляются подвиги пустынно-жителей. И это чтеніе тоже сильно дѣйствовало на мою душу, такъ что я готовъ былъ тогда же оставить міръ и идти въ пустыню. Кромѣ дяди много способствовала возбужденію во мнѣ религиозныхъ чувствъ еще тетка, состоявшая въ чинѣ инокини. Жительствовала она обыкновенно въ разныхъ раскольническихъ пустыняхъ и скитахъ; но по временамъ приходила къ намъ въ гости, и тогда читала намъ книги, также распѣвала своимъ заунывнымъ голосомъ разные псалмы и стихи. Стихи эти мнѣ очень нравились, я записывалъ ихъ, училъ наизусть и распѣвалъ съ наслажденіемъ, переносясь мыслию къ прекрасной пустынѣ. Пріѣзжали къ намъ также за сборомъ милостыни иноки изъ Поморскихъ скитовъ: и они разсказывали о пустынной жизни. Отъ нихъ я узналъ, что и въ нашихъ лѣсахъ были прежде скиты, а теперь разорены, о чемъ я сердечно сожалѣлъ. Когда потомъ пришлось мнѣ бывать въ этихъ мѣстахъ въ сѣнокосную пору, съ своими домашними и сосѣдями, для уборки сѣна, то одинъ видъ этихъ холмовъ и лѣсовъ, на которыхъ, какъ я полагалъ, спасались наши подвижники, возбуждалъ во мнѣ непреодолимое желаніе остаться въ пустынѣ. Каждый разъ, возвращаясь съ сѣнокоса домой вмѣстѣ съ другими, я отставалъ отъ товарищей и гдѣ-нибудь на холмѣ падалъ и плакалъ сколько хотѣлъ; потомъ снова догонялъ товарищей и шелъ, не открывая никому своей тайны. На 18-мъ году жизни, по одному случаю, я сдѣлалъ даже обѣтъ предъ иконою Богоматери оставить міръ и удалиться въ пустыню. Но въ то же время отецъ мой замышлялъ совершенно противное моему намѣренію, — онъ задумалъ женить меня, и властно принуждалъ къ тому, поставляя на видъ зазорную жизнь неженатыхъ молодыхъ людей, ихъ нерачительность о домашнихъ и то еще, что ему въ домѣ нужна работница. Такія рѣчи отца какъ громомъ поразили меня, — я сталъ просить, чтобы дали мнѣ свободу посвятить себя на слу-

женіе Богу и не принуждали жениться. Но отецъ остался непреклоннымъ. У него уже была выбрана и невѣста для меня изъ значительнаго семейства, принадлежавшаго къ церкви. Это еще больше смутило меня. Однако всѣ совѣтовали мнѣ послушать отца и, что всего удивительнѣе, сами наши наставники склоняли меня къ тому же. Они говорили: „Ты будешь тутъ ни при чемъ, потому что къ браку принуждаетъ тебя отецъ, и Богъ проститъ тебѣ эту женитьбу, какъ совершившуюся по нуждѣ. А что будешь вѣнчаться въ никоніанской церкви, это ничего: вѣдь тайнъ еретическихъ ты принимать не будешь“. Не видя возможности противустоять всѣмъ этимъ убѣжденіямъ, я согласился наконецъ жениться, и былъ обвѣнчанъ въ православной церкви.

Но что же затѣмъ послѣдовало? Тѣ самые, которые прежде уговаривали меня вступить въ бракъ съ „ніконіанкой“, теперь напали на меня, стали говорить моей матери, что я отступникъ отъ вѣры, что со мной нельзя ни пить, ни ѣсть вкупѣ. Всѣ начали избѣгать меня, опасаясь не только ѣсть со мною вкупѣ, но даже и говорить; ни на какіе праздники, ни на какія моленія не стали принимать. Словомъ, обращались со мною, какъ съ еретикомъ. Все это страшно смутило меня и отравило мою брачную жизнь; чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе становилась для меня эта жизнь. Возникли прежнія помысленія о пустынѣ съ ея безмолвіемъ. И вотъ рѣшился я уйти отъ жены. Но это было не легко: жену я любилъ; къ тому же у меня родилась дочь. Однакоже рѣшился наконецъ, и все уже приготовилъ, какъ жена моя догадалась и стала меня удерживать. Тогда я началъ ее просить, чтобы отпустила меня по доброй волѣ, — и она согласилась. Итакъ я ушелъ изъ дому, а жена цѣлыхъ три года никому не сказывала, что я поступилъ такъ съ ея вѣдома. Это было въ 1860 году; отъ роду мнѣ было тогда 24 года.

Я ушелъ въ Кемскій уѣздъ нашей же губерніи, въ пустынь, близъ деревни Сухое, и сталъ тамъ жить подѣ

руководствомъ нѣкоего отца Тарасія, котораго мнѣ рекомендовали братья Моторные Ив. и Гр. Ивановичи, — говоря, что лучше его и тверже въ вѣрѣ нѣтъ никого въ Поморской странѣ. Тарасій принялъ меня радушно. Сначала онъ спросилъ, какой я вѣры. Я отвѣчалъ: Филиппова согласія. Спросилъ еще, что побудило меня оставить міръ и поселиться въ пустынь? Я все рассказалъ откровенно. Онъ похвалилъ меня за мою ревность по вѣрѣ, — и принялъ жить у него въ пустыни. Но при этомъ сказалъ: „мы, другъ, обращающихся къ намъ отъ Филиппова согласія принимаемъ чрезъ шестинедѣльный постъ, потому что хотя и они тоже не принимаютъ къ себѣ на молитву новоженцовъ, но мы не принимаемъ даже и самихъ родителей новоженцевъ; такъ узаконили у насъ купцы Аристовы“¹⁾. Я отвѣтилъ ему, что и два такихъ поста вынесу, лишь бы только онъ принялъ меня къ себѣ. Между тѣмъ, живя у него, я узналъ, что за похищеніе денегъ у своей братіи и за преданіе правительству 18-ти человѣкъ на Кормангѣ Кемскаго уѣзда, онъ осужденъ былъ въ Москвѣ, Ѳедосѣевскимъ соборомъ. Это обстоятельство отвратило мое сердце отъ Тарасія. Изъ духовныхъ дѣтей его никто не осмѣливался отойти отъ него, хотя и знали его вину и зазирали его въ душѣ своей; но я, оставивши всѣ мірскія пристрастія и посвятивши себя исключительно Богу, не допускалъ такого двоедушія и рѣшился выступить обличителемъ неправды. Однажды я сказалъ Тарасію: „Отче, и въ вашемъ согласіи принимаютъ новоженскіе родители, какъ напр. Ив. Ремягинъ? А ты мнѣ сказалъ, что у васъ этого не дозволяется“. Онъ отвѣтилъ: „Ремягинъ-то въ Сухомъ первый богачъ, — какъ его не примешь? Вѣдь онъ и гуска хлѣба не пошлетъ намъ“. Такой отвѣтъ привелъ меня въ немалое смущеніе. „Вотъ они, учителя наши! говорилъ я, — оставивши

¹⁾ Объ Аристовомъ согласіи см. въ *Соч. архим. Павла*, изд. 3, часть 1, стр. 57, прим. *Ред. Бр. Сл.*

міръ, жену и дѣтей, заботятся только о чревѣ! Это ли истинные учителя? А еще мнѣ сказали, что здѣсь первое, и лучшее согласіе!.. Господи, помоги мнѣ найти такого наставника, который бы направилъ меня на путь твой истинный!“

Свои сомнѣнія о Тарасіи передалъ я сосѣду своему М. И. Ярославскому, и предложилъ ему уйти со мною отъ Тарасія. „Таково ужъ счастье наше, отвѣтилъ онъ, что мы попали къ такому звѣрю въ когти! А отойти намъ отъ него нельзя: онъ предастъ насъ, какъ предалъ на Кормангѣ 18 человѣкъ; у него есть паспортъ и деньги, а у насъ вѣдь ничего нѣтъ!“ На это я возразилъ: „не на то ли мы и оставили міръ, чтобы всякія напасти Христа ради претерпѣть?“ И стали мы придумывать разные способы, какъ бы уйти отъ Тарасія. Онъ примѣтилъ наши замыслы и сталъ грозить намъ. Однажды говоритъ: „Степанъ, — какъ ты рано сталъ возставать противъ отцевъ своихъ духовныхъ! Едва прожилъ годъ у насъ, а ужъ тебѣ понадобится, пожалуй, дорогу топтать?...“ Я смѣло возразилъ ему: „Твори что хочешь, отче, а я не боюсь: потому что топтать дорогу пути Христова я не сейчасъ начинаю; съ перваго же шагу изъ роднаго дома рѣшился вытерпѣть всѣ бѣдствія и даже понести самую смерть за правду Христову. Дѣлай что хочешь надъ нами, если видишь за нами какую вину!“ Онъ поѣхалъ въ Сухое, и тамъ нажаловался на насъ, что его не слушаемъ, — даже подговорилъ нѣкоторыхъ, чтобы изгнали насъ изъ пустыни. Они пришли и объявили намъ, что все общество приказало насъ изгнать. Мы пошли; но другіе жители Сухаго, узнавъ объ этомъ, возвратили насъ въ пустыню назадъ... Спустя нѣсколько времени послѣ этого Тарасій предалъ насъ въ руки таможенныхъ солдатъ; но мы откупились отъ нихъ, — и совсѣмъ ушли изъ Тарасіевой пустыни, проживъ тамъ два года.

Товарищъ мой остался въ селѣ Сорокѣ, а я ушелъ за 50 верстъ — въ Шуерѣцкую пустынь отца Сергія

Черенцова. Онъ былъ новгородскій купецъ и оставилъ свой богатый домъ ради пустынной жизни. Меня принялъ весьма радушно, и чрезъ 2 недѣли постригъ въ иноки, по Филиппову согласію. Но съ отцемъ Сергіемъ привелось мнѣ жить недолго, ибо онъ вмѣстѣ съ Зосимою (Рюхинымъ), который былъ мнѣ евангельскимъ отцемъ по постриженію, взятъ былъ подъ арестъ. Тогда я остался въ пустыни вдвоемъ съ однимъ молодымъ инокомъ Макаріемъ. Чрезъ нѣсколько времени къ намъ пріѣхалъ отставной солдатъ, по имени Филиппъ, уроженецъ Архангельской же губерніи. Онъ былъ зараженъ ученіемъ страннической секты, но еще не былъ принятъ въ нее крещеніемъ¹⁾. Послѣдователи этой секты всѣхъ старообрядцевъ принимаютъ къ себѣ чрезъ переkreщиваніе, и не признаютъ за христіанъ тѣхъ, кто записывается въ ревизскія сказки, — да еще подъ именемъ „раскольниковъ“, а не христіанъ: „что это за христіане такіе, — говорятъ они про старообрядцевъ, — когда они называютъ себя то филипповцами, то еодосѣвцами, то иначе, смотря по имени учителя? У нихъ какъ будто учитель-то стоитъ выше Христа! Они отступники отъ вѣры, а не христіане; тѣмъ болѣе что и сами не называютъ себя христіанами изъ страха. Таковыхъ апостольское правило велитъ извергать изъ церкви“ (Кормч. правило 62). Все это мы слышали отъ Филиппа, и мнѣ показалось тогда это ученіе истинно христіанскимъ; я боялся только переkreщиваться и оставить иночество.

¹⁾ Излагаемая за симъ свѣдѣнія о странникахъ представляютъ нѣкоторыя любопытныя дополненія къ прежде напечатаннымъ нами статьямъ объ этой сектѣ, которыя читателямъ неизлишне имѣть въ виду. Разумѣемъ статьи: 1) «Нѣчто о странникахъ, по случаю присоединенія къ церкви одного изъ наставниковъ секты» (*Совр. Лѣт.* 1868 г. № 16); 2) «Разсказъ бывшаго странника (Косаткина) о своемъ уклоненіи въ расколъ и возвращеніи въ православную церковь» (*Брат. Сл.* 1875 г. отд. III, стр. 294—328); 3) «О раздорахъ въ страннической сектѣ» (Тамъ же, стр. 329—332). *Ред. Бр. Сл.*

Чтобы избавиться отъ искусительныхъ рѣчей Филиппа, я рѣшился ѣхать въ море, на островъ, чтобы жить тамъ въ непрестанной молитвѣ, трудахъ и постѣ. Со мною согласился ѣхать и отецъ Макарій. Но обстоятельства воспрепятствовали намъ исполнить это намѣреніе. И какъ я ни избѣгалъ странничества, какъ ни боялся его, но все-таки попалъ въ число странниковъ. Это, конечно, случилось не безъ воли Божіей, дабы, извѣдавъ и это пагубное раскольническое лжеученіе, усерднѣе обратился я къ истинѣ.

Шуерѣцкіе жители, по арестованіи отца Сергія и Зосимы, стали опасаться держать насъ въ своихъ пустыняхъ, и я принужденъ былъ удалиться оттуда. Пришелъ я въ Выгорѣцкую пустынь, находящуюся отъ Сороки верстъ за 20: тамъ, по согласію островскихъ жителей, и основался я при озерѣ. Сюда прибылъ ко мнѣ въ скоромъ времени нѣкто Онисимъ Васильевъ, Устюжскій уроженецъ, послѣдователь страннической секты, подъ названіемъ „безденежной“, которая отдѣлилась отъ „денежной“ лѣтъ 25 тому назадъ. Основателемъ ея былъ нѣкто Антипій изъ Сопѣлогъ, Ярославской губерніи: онъ и его сторонники признаютъ за печать антихриста не только паспортъ, но и монеты, почему и употребленіе денегъ считаютъ недозволительнымъ. Скоро пришелъ къ намъ и упомянутый выше Филиппъ: оба они и стали уговаривать меня, чтобы вступилъ въ ихъ секту. Я согласился наконецъ и готовъ былъ креститься; но некому было крестить. Это право могъ имѣть тотъ изъ насъ, который бы, съ нашего общаго согласія, самъ переkreститъ себя и которому дали бы мы грамоту, что онъ имѣетъ право крестить и другихъ. Этой чести домогался отъ насъ Филиппъ, какъ старшій между всѣми. Но я замѣтилъ въ немъ большое пристрастіе къ начальствованію и, чтобы испытать его, однажды сказалъ ему: „братъ Филиппъ, прилично намъ довѣрить первенство самокрещенія брату Онисиму.“ Не понравилось это често-

любивому Филиппу; въ гнѣвѣ онъ оставилъ насъ и ушелъ въ другое мѣсто, гдѣ чрезъ нѣсколько времени крестилъ себя безъ свидѣтелей, и остался ни съ кѣмъ не согласнымъ.

Между тѣмъ, мои прежніе отцы, Филиппова согласія, постригшіе меня въ монашество, прослышали, что бывшій сынъ ихъ слагаетъ съ себя иноческій чинъ и хочетъ перекреститься въ странничество. Страшно разгнѣвавшись, они рѣшили между собою, не посылать въ наше мѣсто ни одного фунта хлѣба, чтобы заставить насъ уйти, а нѣкоторые прямо совѣтовали предать насъ суду, или изгнать насильно. Рѣшились на послѣднее. Разъ пріѣзжаетъ къ намъ на лошади одинъ поморъ, Иванъ Ѳедоровъ, съ разными запасами и милостынею. Онъ объявилъ намъ, что если мы останемся въ ихъ вѣрѣ, то получимъ все это въ даръ, а если нѣтъ, то онъ изгонитъ насъ изъ пустыни. Я сталъ говорить ему кротко: „лучше ужъ сами учителя ваши ѣдутъ сюда и предають насъ, какъ сдѣлалъ отецъ Тарасій, котораго теперь на общественныхъ сходахъ называютъ Иудой предателемъ, — а не ты Иванъ Ѳедорычъ“. Умилился Иванъ Ѳедоровичъ и, поклонившись намъ въ ноги, сказалъ: „Живите, рабы Божіи! Спасайтесь, какъ васъ Богъ вразумитъ! А я человекъ незнающій, пріѣхалъ сюда исполнить данное мнѣ приказаніе. Возьмите привезенное вамъ въ милостыню и приходите ко мнѣ въ домъ безбоязненно за всѣмъ нужнымъ!“ Видя въ этомъ милость Божію къ намъ, мы, не медля болѣе, приступили ко крещенію въ озерѣ, при которомъ жили. Сначала Онисимъ крестилъ самого себя, а потомъ крестилъ и меня. Послѣ того онъ скоро ушелъ отъ меня для проповѣди странническаго ученія по селамъ и деревнямъ; но въ деревнѣ Нюхчѣ былъ схваченъ, какъ безпаспортный, и отправленъ въ Архангельскъ въ острогъ. Оттуда онъ взятъ былъ на поруки купцомъ Г. И. Плотниковымъ, расположеннымъ къ странническому ученію. Отъ Плотникова, по его со-

гласію, онъ ушелъ и опять явился въ Поморье для увлеченія въ свои сѣти простыхъ людей. Скоро онъ совсѣмъ совратилъ своего благодѣтеля Плотникова, такъ что онъ оставилъ жену, дѣтей, домъ, и до сихъ поръ неизвѣстно, гдѣ скитается.

Между тѣмъ, оставшись одинъ, я сталъ заниматься чтеніемъ разныхъ книгъ и между прочимъ пришлось мнѣ прочитатъ исторію о російскихъ царяхъ, начиная съ Рюрика. Эта книга впервые открыла мнѣ глаза. Странники называютъ двуглаваго орла, російскій государственный гербъ, печатью антихриста (поэтому-то „безденежники“, къ которымъ принадлежалъ я тогда, и не принимаютъ монетъ, имѣющихъ изображеніе сего герба). А гербъ сей, говорятъ они, явился въ Россіи со времени Петра I-го: онъ присвоилъ себѣ власть свѣтскую и духовную и въ знакъ этого ввелъ двуглаваго орла. Но, говорятъ, какъ животному не приличествуетъ имѣть двѣ главы, такъ и царю не приличествуетъ быть и свѣтскимъ главою и духовнымъ въ одно и то же время. А восхитилъ онъ духовную власть тѣмъ, что уничтожилъ патриаршество и вмѣсто него учредилъ Синодъ. Всѣ эти мысли странники подтверждаютъ свидѣтельствомъ изъ книги Ездры, который будто бы пророчествовалъ именно объ этомъ орлѣ и о гнѣвѣ Божіемъ на этого орла. Когда прочелъ я упомянутую выше исторію о російскихъ царяхъ, увидѣлъ, что странники говорятъ неправду: орла двуглаваго ввелъ въ російскій гербъ не Петръ Великій, а Іоаннъ III, заимствовавъ его изъ Греціи, и служить онъ символомъ свѣтскаго могущества, а не духовнаго. Это внушило мнѣ сомнѣніе о безденежной Антипиной вѣрѣ, въ которой я тогда находился. А такъ какъ Антипино согласіе выдѣлилось изъ страннической секты Никиты Семенова, то и подумалъ я: „дочь (т. е. безденежное согласіе) оказалась неправою; пойду къ матери, (т. е. Никитину согласію), — не правѣ ли она?“ Съ этого времени я сталъ питать расположеніе къ Никитину

согласію и вступилъ въ сношеніе съ находящимся въ Поморьѣ обществомъ странниковъ этого согласія; но вступить въ него опасался, потому что нужно было бы въ такомъ случаѣ опять перекрещиваться: у нихъ ужъ такъ велось отъ начала отдѣленія Антипина общества отъ Никитина. Когда Антипа отходилъ отъ Никиты, онъ перекрестилъ себя и своихъ послѣдователей: въ соотвѣтствіе этому и Никита заповѣдалъ перекрещивать тѣхъ, которые обращаются къ нему отъ Антипина согласія. А такъ какъ мнѣ было извѣстно, что отъ Никитина согласія, кромѣ Антипы, отдѣлились еще Толоконниковъ, да Вахрушевцы, то я и разсудилъ, что прежде присоединенія къ Никитину согласію, мнѣ нужно разсмотрѣть, почему отдѣлились отъ него Толоконниковъ и Вахрушевцы. Вотъ я и рѣшился ѣхать изъ Поморья въ Ярославскую губернію, гдѣ живетъ Никита Семеновъ, чтобы лично съ нимъ познакомиться. Поморское братство его согласія дало мнѣ рекомендательное письмо къ Никитѣ, за подписью настоятелей: Кирика, Никанора и Владиміра. Они просили, чтобы Никита Семеновъ обстоятельно отвѣтилъ мнѣ на всѣ мои вопросы.

Когда я добрался до села Вахрушева (Вологодской губ.), здѣсь только что кончился соборъ, бывшій на Никиту Семенова за то, что онъ издалъ отъ себя 20 статей, въ которыхъ изложилъ особыя правила для страннической секты, гдѣ, между прочимъ, онъ самого себя возводитъ въ достоинство епископа. Правила написаны уже давно, и тогда для утвержденія ихъ былъ составленъ у странниковъ соборъ, якобы вселенскій, на коемъ „отцы“ подтвердили статьи Никиты Семенова, т. е. признали ихъ правильными, но признали не искренне, а, такъ сказать, страха ради властелинска: ибо Никита у нихъ считается главой и начальникомъ, вся власть въ его рукахъ, — онъ по своему произволу ставитъ и извергаетъ настоятелей. Теперь же, въ Вахрушевѣ, составился соборъ какъ бы помѣстный, именно для обличенія несправедли-

вости статей Никиты Семенова. Главнымъ обличителемъ ихъ и самого Никиты былъ настоятель И. В. Колесовъ, изъ Вологодской губерніи¹⁾. По обличеніи статей отъ Никиты отдѣлилось до 100 человекъ. О всемъ этомъ узналъ я въ Вахрушевѣ и, вникнувъ въ дѣло, согласился съ отдѣлившимися отъ Никиты. Тѣмъ не менѣе однако, чтобы лично испытать Никиту Семенова, я пошелъ къ нему: вручилъ ему письмо, поступилъ къ нему въ качествѣ ученика, и сталъ развѣдывать ложность его ученія, тщательно скрывая то, что зналъ отъ Вахрушевцевъ.

Прежде всего я разспрашивалъ Никиту Семеновича о частныхъ мнѣніяхъ и разномысліяхъ, какъ то: о хмѣлѣ, о чаѣ, о кофе, о табакѣ, о картофелѣ, о покроѣ платья. Онъ далъ отвѣты, подтверждая ихъ свидѣтельствомъ книгъ, которыхъ у него была цѣлая библіотека. Потомъ я его спросилъ, по какой причинѣ отдѣлился отъ него Толоконниковъ. Въ чемъ разномысліе между ними? Онъ отвѣтилъ: „о крестѣ вышло у насъ съ нимъ разномысліе; — Толоконниковъ говоритъ, что крестъ одинаковую имѣетъ честь и славу, если бы даже не было на немъ изображенія плоти Бога Слова; а по моему не такъ: одно дѣло — крестъ безъ изображенія плоти Сына Божія и другое дѣло — съ изображеніемъ; въ первомъ случаѣ онъ не болѣе, какъ висѣлица для преступниковъ, а въ другомъ — честный крестъ Господень.“ Сталъ я еще просить, — нельзя ли мнѣ выписать родословную страннической секты, т. е. узнать по бумагамъ, давно ли она существуетъ, откуда и отъ кого. Никита сказалъ: „жаль, что у меня нѣтъ теперь цвѣтниковъ оныхъ родословныхъ, — они далеко отсюда, въ Костромской губерніи, у Ѳедора Ивановича (Это было второе лице въ сектѣ послѣ Никиты.): если желаешь, поѣзжай туда, — я дамъ тебѣ письмо къ Ѳедору Иванычу, онъ позволитъ тебѣ списать родословныя и мѣсто дать для этого.“ Я согла-

1) См. *Брат. Сл.* 1875 г. отд. III, стр. 309—310. Ред. Бр. Сл.

сился, думая: „ужь если за полторы тысячи версть нарочно прїѣхалъ сюда, ужели не съѣзжу въ Кострому, всего за 500 версть?“ Прїѣхалъ къ Ѳеодору Ивановичу и получивши все, что нужно было, сталъ списывать цвѣтники и написалъ нѣсколько сотъ листовъ. Между тѣмъ, проживая здѣсь среди странниковъ, я хорошо узналъ испорченность ихъ вѣры и нравовъ. Поэтому, вмѣстѣ съ перепискою цвѣтниковъ, началъ писать обличенія на нихъ, также на Никитины статьи, сохраняя все это въ тайнѣ: всѣ бумаги я запиралъ въ шкатулку. Но меня заподозрили, и какъ-то безъ меня Антипъ Даниловичъ (третье лице по Никитѣ) вошелъ въ мою келью, взялъ изъ шкатулки всѣ мои писанія противъ Никиты, и отослалъ ихъ по почтѣ къ самому Никитѣ на разсмотрѣніе. Никита прислалъ приказаніе изгнать меня изъ братства и не пускать на ночлегъ. Я же настоятельно требовалъ возвращенія моихъ бумагъ и велѣлъ увѣдомить Никиту, что если онъ этого не сдѣлаетъ, пусть соберетъ соборъ и на соборѣ обличаетъ меня, или же самъ изобличится отъ насъ; иначе я буду на него жаловаться его благодѣтелямъ. И дѣйствительно, жаловался письменно самому главному ихъ благодѣтелю, купцу И. А. Васютину, что живетъ въ Кинешемскомъ уѣздѣ. Васютинъ пригласилъ меня къ себѣ и лично спрашивалъ, какіе пороки я знаю за Никитою. Я высказалъ ему всю правду. „Первая вина, говорилъ я, въ томъ состоитъ, что онъ устроилъ власть не по времени, не по лицу и не по мѣсту: простыхъ, не хиротонисанныхъ людей раздѣлил на три чина — діакопскій, пресвитерскій и епископскій; епископу приписываетъ неограниченную власть, и себя самого называетъ епископомъ. Онъ всѣхъ подчинилъ себѣ, а себя ставитъ внѣ всякаго ограниченія. Никого онъ не слушаетъ и совѣтовъ ничьихъ не принимаетъ; одинъ поставляетъ и низвергаетъ учителей и духовниковъ. Словомъ, какъ папа римскій восхитилъ себѣ первенство между вселенскими патріархами, такъ и Ни-

кита вашъ выставилъ себя такимъ же властолюбцемъ въ своихъ статьяxъ. При томъ всѣ свои мнѣнія онъ основываетъ не на Священномъ Писаніи и не на святыхъ отцахъ, а на своемъ разумѣ. Такъ, напр., во 2 статьѣ онъ пишетъ: всѣмъ, обращающимся отъ невѣрствія къ благовѣрію наша истинныя вѣры, не дозволяется единокелейно жити мужу и женѣ брачившимся, но разводить ихъ по разнымъ келіямъ, или прочимъ братіямъ отдавать въ услугу, келейной ради надобности и обработки; и которой будетъ женщинѣ 40 лѣтъ, а мужу 45 — допускать ихъ на неззорное житіе до явнаго чадородія, а если что таковое усмотрѣно будетъ, то непременно нужно отводить оную къ другому брату въ предѣлъ (т. е. въ другой приходъ). А заслуживающимъ честь и уваженіе своимъ поведеніемъ можно допустить и младше. Видите, не говоритъ, что допускается такими-то правилами, но отъ себя говоритъ: можно допустить. Вотъ, Иванъ Алексѣичъ, какія противозаконныя мысли проводитъ вашъ Никита въ своихъ статьяxъ. Властительски издаетъ отъ себя законы, расторгаетъ Богомъ сочтенные браки, разлучаетъ жену отъ законнаго мужа и препоручаетъ ее другому; позволяетъ другимъ сожительствовать, если они имѣютъ столько-то лѣтъ. Онъ хочетъ каждую душу возвести на иноческій чинъ, но въ то же время самовольно разрушаетъ иноческія правила. Иноку не дозволяется, по правиламъ, и съ родною матерью жить, а онъ и постороннихъ лицъ на сожительство узаконилъ, и годы опредѣлилъ, а по заслугѣ нѣкоторымъ сокращаетъ сроки. Чрезъ таковую дерзость онъ сотворилъ церковный раздоръ, а этого грѣха, по сказанію святыхъ, и мученическая кровь не загладитъ.“ Такъ обличалъ я Никиту предъ Васютинымъ, и ему понравились мои слова. Онъ сказалъ, что и самъ скорбѣлъ, зачѣмъ Никита такъ не хорошо поступаетъ. Я сталъ просить Васютина, чтобы помогъ мнѣ возвратитъ отъ Никиты мои сочиненія и чтобы назначили соборъ и позвали бы на оный Никиту

съ моими сочиненіями: тогда, на которой сторонѣ окажется правда, засвидѣтельствовали бы на бумагѣ, а эту бумагу для удостовѣренія я отнесъ бы въ Поморье своимъ братьямъ. Васютинъ согласился и обѣщаль созвать соборъ на Макарьевской ярмаркѣ: „Тогда, — говорилъ онъ, — соберутся купцы со всѣхъ сторонъ; а ты поѣзжай теперь на пароходѣ въ Вологодскую губернію къ своимъ единомысленникамъ, и пріѣзжайте непременно къ 1-му Августа на Нижегородскую ярмарку: тамъ Никита каждый годъ живетъ недѣли по двѣ. Тутъ мы и побесѣдуемъ. Да смотрите, не сказывайте его братіи — зачѣмъ вы поѣдете на ярмарку.“ Васютинъ далъ мнѣ денегъ для проѣзда въ Вологду и оттуда въ Нижній.

Поѣхало насъ на ярмарку довольно много старцевъ. На пароходѣ мы встрѣтились съ Саввою Васильевымъ, учителемъ Никитиной стороны. Савва спросилъ: „куда старцы отправились?“ А нашъ учитель, И. В. Колесовъ, по ошибкѣ ли, или по забывчивости, отвѣтилъ: „ѣдемъ въ Нижній, на соборъ, для обличенія неправдъ Никиты Семеновича.“ Доѣхали до города Кинешмы; здѣсь мы вышли съ парохода и ночевали у старца Артемія въ Решинской волости. А Савва тѣмъ временемъ уѣхаль въ Нижній и сообщилъ тамъ Никитѣ: ѣдетъ „поморскій гость“ съ вахрушевскими старцами бесѣдовать съ тобою о статьяхъ. Въ тотъ же день Никита уѣхаль изъ Нижняго. Предъ Васютинымъ свой побѣгъ извинялъ онъ тѣмъ, что забылъ захватить съ собою книги, нужныя для бесѣдованія; соборъ же назначилъ на 1-ое Сентября въ Ярославлѣ. Когда мы на другой день возвращались изъ Решмы, то встрѣтились съ Васютинымъ и Никитой, ѣхавшими изъ Нижняго. Васютинъ подозвалъ насъ, попенялъ, что мы не могли сохранить въ тайнѣ цѣль нашей поѣздки, и велѣлъ намъ ѣхать обратно въ свои мѣста, обѣщаясь извѣстить письмомъ о новомъ соборѣ. Но собора мы не дождались. Никита писалъ, что никакого собора и не нужно, ибо статьи его были написаны якобы

по просьбѣ самихъ же отцовъ и подписаны соборомъ ихъ: „докуда же мнѣ толковать о нихъ одно и тоже, какъ будто про бѣлаго быка сказку говорить!“ Вотъ какимъ показалъ себя главный наставникъ страннической вѣры, Никита Семеновъ!

Послѣ двухгодичнаго пребыванія на Волгѣ, я былъ арестованъ за неимѣніе паспорта. Будучи отправленъ по этапу, я убѣжалъ; но чрезъ нѣсколько времени снова взяли меня и препроводили, для очныхъ ставокъ, на родину, гдѣ не бываль уже 8 лѣтъ. Здѣсь я успѣлъ обратить свое семейство въ свою секту. Съ родины меня повели снова по этапу въ нашъ уѣздный городъ; но я бѣжалъ опять, совративши въ свою вѣру и сотскаго, который вель меня: вмѣсто нашего уѣзднаго города мы очутились въ сибирскихъ лѣсахъ. Сюда же я увлекъ и жену свою.

Бѣжать въ сибирскіе лѣса меня побудило то обстоятельство, что отъ братій своихъ я много слышалъ о чистотѣ жизни странниковъ въ скитахъ сибирскихъ. Добрался я до Томска и нашель здѣшнихъ странниковъ, какъ показалось мнѣ на первыхъ порахъ, ведущими истинно благочестивую жизнь. Мужскіе и женскіе скиты отстояли далеко другъ отъ друга и никто изъ мужчинъ не могъ посѣщать женскихъ скитовъ, кромѣ одного престарѣлаго настоятеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ братія ничѣмъ не пользовалась отъ міра, развѣ только солью, да кожей для обуви, — а имѣли все свое, и притомъ въ изобилии, пріобрѣтая своими трудами. Но не долго пришлось мнѣ утѣшаться. Познакомясь поближе съ здѣшними раскольниками, я нашель, что подъ наружно-благочестивою жизнію ихъ скрываются и пороки и всякія лжеученія. Прежде всего поразило меня ихъ крайнее разногласіе во ученіяхъ и раздѣленіе на многіе толки. Вотъ сколько толковъ, образовавшихся въ теченіе какихъ-нибудь 15-ти лѣтъ нашель я у сибирскихъ раскольниковъ, живущихъ около Томска: 1. Кунгурцы. Наставника ихъ зовутъ Матвѣемъ Ивановымъ. Поводомъ къ отдѣленію ихъ отъ

прочихъ старообрядцевъ было то, что Поморцы, Оедосѣевцы и Филиповцы записались при второй ревизіи въ ревизскія сказки подъ именемъ „раскольниковъ“: за это кунгурцы не признали ихъ христіанами. 2. Евсеvій Семеновъ, отдѣлился отъ кунгурцевъ за подозрѣніе ихъ въ какой то винѣ, самъ крестилъ себя и образовалъ свое согласіе. 3. Прокопій Ивановъ, тоже кунгурецъ, удалившись въ пустыню на Юксу рѣку, крестилъ здѣсь себя съ женой, безъ свидѣтелей, и образовалъ свой толкъ. 5. Сосѣдъ Прокопія, пустынникъ Семенъ Матвѣевъ, убоявшись поступка Прокопія, приказалъ дочери своей окрестить сначала себя самое, а потомъ и его съ семействомъ, — еще согласіе. 5. Гавріиль Оедуловъ Пермскій съ 7-ю товарищами тоже сами себя крестили и образовали свое согласіе. 6. Иванъ Фотіевъ Суриковъ, купеческій сынъ, Ишимскаго уѣзда, за оскорбленіе духовной власти православной церкви былъ посаженъ въ острогъ, и тамъ крестилъ самъ себя: и у него есть послѣдователи. 7. Отставной солдатъ Александръ Алексѣевъ, живущій въ деревнѣ Бѣлобородовой, въ 7-ми верстахъ отъ Томска, имѣя сомнѣнія о всѣхъ прочихъ вѣрахъ, крестилъ самъ себя, потомъ жену свою, и наконецъ Якова Фотіева изъ Пинежскаго уѣзда, Архангельской губерніи. 8. При насъ уже, и именно въ сосѣдство къ намъ, прибыли изъ Шадринска Александръ Васильевъ съ женою и дѣтьми, да тестъ его старикъ. Поселились они въ самомъ дальнемъ уголкѣ, отъ города верстъ за 50-ть. Земля была хорошая, — они достали ее безъ денегъ, — имѣли огородъ, покосъ, хорошую избу на берегу рѣки Черной. Не смотря однакожь на такія удобства, они спросили меня: „нѣтъ ли гдѣ, вдали, еще получше этой мѣстности“? Я съ удивленіемъ отвѣчалъ: „Да гдѣ еще вамъ найти мѣстечко лучше этого? чего вамъ еще надо? Изба хорошая, мѣсто красивое, вода чистая, есть земля для пашни, и сѣнокоса“. Потомъ какъ то они говорятъ мнѣ: „вотъ нужно бы письмо

послать въ Шадрино, да не знаемъ съ кѣмъ“. Я предложилъ отослать письмо по почтѣ, или на пароходѣ, или же по сухопутной. На это сосѣдъ отвѣчаетъ мнѣ: „Что за польза намъ отъ этого будетъ? большихъ мірскихъ, антихристовыхъ сѣтей избѣгнуть, да въ малыя попасть! Вѣдь теперь антихристъ обладаетъ всѣмъ, и духовнымъ и вѣшнимъ! Намъ нужно нарочнаго человѣка послать съ письмами, а на почту мы класть ихъ не хотимъ“. — „Такъ неужели, по вашему, пароходы антихристова прелесть и скверна? возразилъ я имъ. Вѣдь это вещество, которое строится человѣкомъ чрезъ данную ему отъ Бога премудрость“. Они сказали: „да и печать антихристова есть вещество; а не на всякой-ли вещи она положена, не только на бумагахъ, но и на вѣсахъ и на гирихъ“? Тогда я понялъ, что они только начинаютъ еще учиться той азбукѣ, которую я давно уже бросилъ, и восходятъ на тотъ тернистый путь, который я уже окончилъ, т. е. я увидѣлъ, что они принимаютъ странническое ученіе о печати антихриста. Это все я и высказалъ имъ, и прибавилъ еще, что мы, бывало, за печать антихристову считали и монеты, потому что на нихъ, какъ и на паспортахъ, находится одинъ и тотъ же гербъ, и они издаются по повелѣнію Цареву, потому принимать ихъ и питаться чрезъ нихъ тоже считали не позволительнымъ. Александръ отвѣчалъ: „и мы такъ понимаемъ; потому-то и страшивали у тебя другаго мѣстечка, которое не было бы размежевано столбами, ибо столбъ безъ печати антихриста не бываетъ“. 9. Еще нашелъ я въ Сибири селту „воздыханцевъ.“ Однажды, въ томъ домѣ, гдѣ жилъ я, ночевала одна старушка, и я замѣтилъ, что она не молилась иконамъ, даже предъ обѣдомъ и послѣ обѣда. Вижу потомъ, что она молится на улицу съ крыльца, и притомъ не на востокъ. На мое замѣчаніе объ этомъ она отвѣтила: „да вѣдь и на зорѣ не грѣхъ молиться.“ — „Да, не грѣхъ, — сказалъ я, — если вѣришь, что на всякомъ мѣстѣ владычествіе Божіе;

но ты, видно, этому не вѣришь, потому что не молишься съ нами иконамъ.“ Тогда старушка — воздыхальница, вздохнувши, по обыкновенію своему, изъ глубины сердца, отвѣтила: „Какія ужъ теперь, при антихриствѣ, иконы? Кто ихъ освятить? Истинныхъ поповъ теперь нѣтъ. Теперь и спастись-то можно только однимъ воздыханіемъ въ пустыняхъ, слезами, а не чтеніемъ и пѣніемъ“. Воздыханцы живутъ въ пустынѣ, предаются сѣтованіямъ и воздыханіямъ. Въ кельяхъ у нихъ мрачно и вся обстановка жизни угрюмая. Иконъ не имѣютъ, молятся на открытомъ воздухѣ, а чтобы молиться зимой, прорубаютъ въ стѣнѣ келій окошечки, которыя и отворяютъ когда нужно молиться.

По прибытіи въ Сибирь, я хотѣлъ вступить въ согласіе Кунгурскихъ старообрядцевъ; но они соглашались не иначе принять меня, какъ подъ новое крещеніе, и этимъ оттолкнули отъ себя. Потомъ, присматриваясь ко всѣмъ, существующимъ въ Сибири толкамъ, нашелъ я у нихъ одно только притворство, ложь, нетерпимость, распри, разныя продѣлки и предательство. И вотъ, когда ни въ Россіи, ни въ Сибири не обрѣлъ я между старообрядцами истинной вѣры, устремился я своими мыслями въ предѣлы Турціи, куда, какъ я слышалъ еще въ малолѣтствѣ отъ поморскихъ сборщиковъ, бѣжали встарину очень многіе старообрядцы. „Не тамъ-ли,—думалъ я,— находится вѣра благочестивая“? И сталъ я помышлять, какъ бы мнѣ пробраться въ Турцію. Но промыслъ Божій удержалъ меня отъ этого предпріятія. Въ то время встрѣтился я съ однимъ старообрядцемъ, пріѣхавшимъ въ Томскъ изъ Турціи, гдѣ онъ родился и выросъ. Сталъ я спрашивать его о жизни турецкихъ старообрядцевъ, и больше всего о томъ, совокупно ли живутъ они, или по раздѣламъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Что здѣсь, то и тамъ! И въ Турціи теперь между старообрядцами разныя согласы. Одни приѣмлютъ браки, другіе не приѣмлютъ, а иные живутъ въ замѣшательствѣ между тѣми и другими“. Тогда

я мысленно обратился къ Богу и благодарилъ Его, что Онъ избавилъ меня отъ далекаго и напраснаго путешествія.

Между тѣмъ случилось мнѣ прочесть книжку: „Царскій путь“, напечатанную о. Павломъ. Мнѣ далъ ее для просмотра одинъ изъ сибирскихъ старообрядцевъ страннической секты, Стахій Харламовъ, который впоследствии тоже присоединился къ православію. Прочитавши эту книжицу, я увидѣлъ ясно ложность старообрядческихъ понятій о бракѣ и антихриствѣ, и сталъ думать: истинная вѣра Христова не находится ли въ великороссійской церкви, отъ которой всѣ мы бѣгаемъ ¹⁾? Какъ ни трудно было мнѣ освоиться съ этою мыслию, но Богъ наставилъ меня чрезъ добрыхъ людей. Встрѣтился я съ однимъ бывшимъ странникомъ, Василиемъ Алексѣевичемъ, обратившимся въ православіе. Узнавъ, что я нахожусь въ большомъ колебаніи, онъ совѣтовалъ мнѣ присоединиться къ великороссійской церкви и убѣдилъ идти съ нимъ къ ректору Томской духовной семинаріи на бесѣду. Бесѣда съ о. ректоромъ очень подѣйствовала на меня; я положительно охладѣлъ къ расколу. Спустя немного времени послѣ этого встрѣтился я еще съ однимъ бывшимъ старообрядцемъ, при томъ же учителемъ страннической секты, Николаемъ Аѳанасьевичемъ, тогда уже обратившимся въ православіе. Побесѣдовавъ со мной о православіи великороссійской церкви, онъ подарилъ мнѣ книгу м. Григорія: „Истинно-древняя и истинно-православная Христова Церковь“, и „Исторію русскаго раскола“, сочиненіе м. Макарія. Затѣмъ я пріобрѣлъ книгу Никифора архіепископа Астраханскаго, содержащую обличеніе неправдъ Соловецкой челобитной. Чтеніе всѣхъ этихъ

¹⁾ Достойно примѣчанія, что эта же книжица, составленная и изданная подъ руководствомъ о. архим. Павла еще въ Пруссіи, когда онъ былъ безпоповцемъ, много способствовала обращенію въ церковь другаго странника — Н. И. Косаткина: см. *Врат. Сл.* 1875 г. III отд., стр. 314.
Ред. Вр. Сл.

книгъ окончательно убѣдило меня въ истинномъ православіи всликороссійской церкви и въ ложности всѣхъ раскольническихъ толковъ и сектъ. Послѣ этого я бросилъ всѣ раскольническія тетрадки и цвѣтнички разнаго рода, и какъ раскаявшійся блудный сынъ рѣшился возвратиться къ матери своей — православной церкви, отъ которой въ младенчествѣ получилъ святое крещеніе. Изъ Сибири я поѣхалъ сначала на родину, а потомъ въ 1875 г. отправился въ Петербургъ: здѣсь, на Волковскомъ кладбищѣ, и былъ присоединенъ къ церкви на правилахъ Единовѣрія.

Благодареніе Господу Богу, не попустившему меня погибнуть во тмѣ раскола, но милосердіемъ своимъ изведшему на свѣтъ истины и наставившему на покаяніе!

Отъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать дозволяется. Москва, Мая 26-го дня, 1884 года.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

Типогр. Э. Лиснеръ и Ю. Романъ Москва, Аргать, Д. Каринской.

2012365783

